

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2025**

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. Андроновский (федоровский) комплекс могильника Фирсово-14 (материалы раскопок 2020 г.)	7
Шишкина О.О., Советова О.С., Сирюкин И.В. «Поздние» изображения на курганных камнях тагарского могильника у горы Тепсей	29
Власкина Т.Ю. К изучению погребальной обрядности донских казаков: оформление могилы необработанными камнями и связанные с ними представления	47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Содномпилова М.М. Огонь в информационном пространстве тюрко-монгольских народов Сибири	70
Степанова О.Б., Караваяев Э.Ф. Представления о времени в традиционном мировоззрении селькупов	86
Юша Ж.М. Защита жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев России, Китая, Монголии: традиция и современность	100

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Моради М. Астральная и мистерическая символика в зороастризме	113
Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце XX — начале XXI в.	137
Дударенок С.М. Религиозный ландшафт Хабаровского края в 1990-е гг.: особенности формирования и тенденции развития	151
Маркова Н.М., Аринин Е.И., Кузнецова Л.Э. Компаенс, религионимы и конфессионимы до религий и конфессий: вызовы академическому религиоведению	170
Мусаев В.И. Польско-литовские противоречия в католических общинах в России в начале XX в.	193
Юганова И.И. О христианизации чукчей на страницах «Якутских епархиальных ведомостей»	210
Дашковский П.К., Траудт Е.А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг.	227

ДЛЯ АВТОРОВ	256
-------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Fedoruk O.A., Fedoruk A.S., Papin D.V.</i> Andronovo (fedorovo) complex of the Firsovo-XIV burial ground (materials of the 2020 excavations).....	7
<i>Shishkina O.O., Sovetova O.S., Siryukin I.V.</i> “Late” images on the burial stones of the Tagar burial ground near Mount Tepsey.....	29
<i>Vlaskina T.Yu.</i> The funeral rite of the Don Cossacks: raw headstones and related concepts	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sodnompilova M.M.</i> Fire in the media scene of the Turkic and Mongolic peoples of Siberia	70
<i>Stepanova O.B., [Karavaev E.F.]</i> Ideas of time in the traditional worldview of the selkups	86
<i>Yusha Zh.M.</i> Child protection in the rituals and beliefs of Tuvans Russia, China, and Mongolia: tradition and modernity.....	100

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Moradi M.</i> Celestial and mystical symbolism in zoroastrianism	113
<i>Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Tsetsenbileg Ts.</i> Buddhism and post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th and early 21st centuries ...	137
<i>Dudarenok S.M.</i> The Religious Landscape of the Khabarovsk Region in the 1990s: Features of Formation and Development Trends	151
<i>Markova N.M., Arinin E.I., Kuznetsova L.E.</i> Compliance, Religion names and Confessional names before Religions and Confessions: Challenges to Academic Religious Studies.....	170
<i>Musaev V.I.</i> Differences between the Poles and the Lithuanians in the Roman-Catholic Communities in Russia in the early Twentieth Century.....	193
<i>Yurganova I.I.</i> The Christianization of the Chukchi within the context of the <i>Yakut Diocese Gazette</i>	210
<i>Dashkovskiy P.K., Traudt E.A.</i> Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s and early 1990s.	227

FOR AUTHORS	256
--------------------------	-----

УДК 94

DOI 10.14258/nreur(2025)1–08

И. Г. Актамов*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ (Россия);**Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ (Россия)***Т. Б. Бадмацыренов***Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ (Россия)***Ц. Цэцэнбилэг***Институт философии Академии наук Монголии, Улан-Батор (Монголия);**Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва (Россия)*

БУДДИЗМ И ПОСТСЕКУЛЯРНОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИОРЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОНГОЛИИ КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.

Статья посвящена исследованию основных тенденций развития социорелигиозных процессов в Монголии в конце XX — начале XXI в. Дана историческая характеристика взаимоотношений государства и религии после распада Советского Союза и демократических преобразований 1990-х гг. в Монголии. В конце XX в. был отмечен бурный рост религиозности, где традиционно значимое место занимал буддизм. Вместе с тем под влиянием глобальных тенденций началось проникновение протестантизма и нетрадиционных религиозных течений. Определено, что современное монгольское общество характеризуется чертами постсекулярности, где политическая власть и буддийское духовенство находятся в активном взаимодействии. Это подтверждается публичными заявлениями высшего руководства страны. Можно констатировать, что монгольское общество является преимущественно религиозным, но отмечается тенденция роста атеизма в молодежной среде. В последние годы в монгольском обществе наблюдается запрос на формирование национальной идеи, способной консолидировать все общественные и политические силы. В качестве оптимального варианта предлагается буддизм как религия, объединяющая всех монголов.

Ключевые слова: Монголия, буддизм, социорелигиозные процессы, постсекулярность.

Цитирование статьи:

Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце XX — начале XXI в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 30, № 1 С. 137–150. DOI 10.14258/nreur(2025)1–08.

I. G. Aktamov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude (Russia); Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude (Russia)

T. B. Badmatsyrenov,

Dorzhi Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia)

Ts. Tsetsenbileg

Mongolian Academy of Sciences; Institute of Foreign Languages, Ulan-Bator (Mongolia); People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow (Russia)

BUDDHISM AND POST-SECULAR SOCIETY: SOCIO-RELIGIOUS PROCESSES IN MONGOLIA IN THE LATE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES

The article examines the primary trends in the evolution of socio-religious dynamics in Mongolia during the late 20th and early 21st centuries. It offers a historical analysis of the interplay between the state and religious institutions following the dissolution of the Soviet Union and the democratic reforms of the 1990s. The conclusion of the 20th century marked a notable increase in religiosity, with Buddhism maintaining a prominent role. Concurrently, influenced by global developments, there was an emergence of Protestantism and other non-traditional religious movements. The findings indicate that contemporary Mongolian society exhibits characteristics of post-secularity, characterized by active engagement between political authorities and the Buddhist clergy, as evidenced by public declarations from the nation's leadership. While it can be asserted that Mongolian society remains largely religious, there is a discernible trend of rising atheism among the youth. Recently, there has been a growing demand within Mongolian society for the establishment of a national ideology that can unify diverse social and political factions, with Buddhism being proposed as the most suitable religion to achieve this cohesion among the Mongolian populace.

Keywords: Mongolia, Buddhism, socio-religious processes, post-secularity.

For citation:

Aktamov I. G., Badmatsyrenov T. B., Tsetsenbileg Ts. Buddhism and post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th and early 21st centuries. Nations and religions of Eurasia. 2024. T. 30, № 1 P. 137–150 (in Russian). DOI 10.14258/nreuir(2025)1–08.

Актамов Иннокентий Галималаевич, кандидат педагогических наук, доктор философии, заведующий лабораторией Центра переводов с восточных языков, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения

РАН, Улан-Удэ (Россия); доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ (Россия).

Адрес для контактов: aktamov13@gmail.com; orcid.org/0000-0002-8646-1048

Бадмацыренов Тимур Баторович, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и социологии, директор Центра социально-политических исследований «Альтернатива», Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ (Россия). **Адрес для контактов:** badmatsyrenovtb@bsu.ru; orcid.org/0000-0002-6363-9464

Цэцэнбилэг Цэвээн, доктор философии (PhD), доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии Академии наук Монголии, Улан-Батор (Монголия); доцент Института иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** tsetsenbilegts@gmail.com; orcid.org/0000-0001-5987-9310

Aktamov Innokentii Galimalaevich, Candidate of Pedagogical Sciences, Doctor (PhD in History of science), Head of the Laboratory «Oriental Languages Translations Center», Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences; Associate professor of the Department of History and Regional studies of Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude (Russia). **Contact address:** aktamov13@gmail.com; [https:// orcid.org/0000-0002-8646-1048](https://orcid.org/0000-0002-8646-1048).

Badmatsyrenov Timur Batorovich, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology, Head of the Center for Social and Political Studies, Head of Center of Social and Political Studies, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude (Russia). **Contact address:** badmatsyrenovtb@bsu.ru; [https:// orcid.org/0000-0002-6363-9464](https://orcid.org/0000-0002-6363-9464).

Tsetsenbileg Tseveen, Doctor (PhD in Sociology), Associate professor, Leading researcher of Department of Sociology, Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Science, Ulaanbaatar (Mongolia); Associate professor of Institute of Foreign Languages, People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow (Russia), **Contact address:** tsetsenbilegts@gmail.com; [https:// orcid.org/0000-0001-5987-9310](https://orcid.org/0000-0001-5987-9310).

Введение

Религия как концепт за последнее столетие в научном видении прошла путь от секуляризации и маргинализации до десекуляризации и постсекулярности. Термин «постсекулярность» получил содержательное наполнение во второй половине XX в. и связан с пересмотром теоретической рамки секуляризации, в призме которой значимость религии в обществе сокращается. Напротив, как отмечает Б. Тернер, «религия играет важную роль в публичном пространстве и во многих обществах либеральная модель секуляризации, предполагающая разделение церкви и государства, больше не работает» [Тернер, 2012: 45]. Большое влияние на процесс формирования постсекулярного общества оказал крах социалистической системы и образовавшийся идеологический вакуум, которые способствовали созданию условий для усиления роли религии и проникновения ее во все сферы общества в постсоциалисти-

ческих странах. Государственные и религиозные сообщества в этих условиях стали выстраивать своё взаимодействие совершенно по-новому, что актуализирует анализ этих процессов для понимания и оценки религиозной и общественно-политической ситуации, а самое главное — для определения прогнозных перспектив развития отношений между государством и различными объединениями в конкретном обществе. Указанные тенденции повышают значимость изучения, осмысления феномена религии в современных условиях и понимания роли религиозного фактора в социально-политических процессах.

Ярким примером постсоциалистической трансформации является Монголия, в которой общественно-политические процессы в конце XX в. обрели крайне высокую динамику, проявившуюся в том числе в изменении роли религии. Прежде всего отмечают «возрождение» буддизма, которое, вместе с тем, не стало действительно восстановлением буддийской религии досоциалистического периода, поскольку современное монгольское общество не стало ни чисто «буддийским», ни однозначно секулярным. Скорее, оно обрело новую сложную социорелигиозную структуру, которая может быть описана через призму концепции постсекулярности. В фокусе исследования — выявление специфики развития буддизма в Монголии в конце XX — начале XXI в. в контексте формирования постсекулярного общества. Общественно-религиозное взаимодействие в Монголии в рамках теории постсекулярности ранее не становилось предметом специального исследования. В связи с этим мы можем говорить о высокой степени актуальности изучения указанного процесса. Результаты, представленные в данной статье, являются первой попыткой дать характеристику монгольского общества в контексте постсекулярности.

Материалы, методы, обзор

Начало XX в. ознаменовалось революционными изменениями, которые привели к образованию новых суверенных государств, взявших за основу социалистический путь развития. Религиозная политика в Советском Союзе и Монгольской Народной Республике являлась практически идентичной — религия рассматривалась как идеологический соперник и была практически исключена из общественно-политических процессов. В ходе радикальной социалистической секуляризации 20–30-х гг. XX в. были демонтированы институционализированные формы религии, а реализация принципа свободы совести носила декларативный характер. Вместе с тем даже в период наиболее жестких репрессий религиозные группы сохранили свое присутствие в обществе, претерпев существенную трансформацию социальной организации, религиозных практик, идейного наполнения.

В конце XX в. во многих социалистических государствах, включая СССР и МНР, происходит смена политического устройства. Одним из составляющих этого процесса стала «реабилитация» и «возрождение» религии и религиозных институтов, которые стали играть весьма заметную роль в общественных процессах. Особое внимание в постсоциалистической Монголии уделялось поддержке «традиционной религии», в качестве которой признается буддизм. В 1990 г. был основан Союз верующих, одной из основных целей которого стало содействие в восстановлении и открытии монастырей в сельской местности (монг. *хөдөө*). В 1992 г. в Монголии было открыто порядка

100 буддийских храмов. В Конституции, принятой 13 января 1992 г., помимо прочих свобод, провозглашалась свобода вероисповедания (гл. II, ст. 16, п. 51), а также запрещалась дискриминация по религиозному признаку (гл. II, ст. 14, п. 2) [Родионов, 2018: 94]. «Возрождение» буддизма проявлялось и проявляется в виде воссоздания разрушенных монастырей, увеличения числа монахов и верующих, признания культурного и духовного значения буддийского учения в процессе демократизации монгольского общества. Вместе с тем, наряду с вновь начавшимся процессом институционализации буддизма в постсоциалистической Монголии, о своих правах заявили представители других верований, в первую очередь шаманизма и ислама. Шаманизм (тэнгрианство) и буддизм достаточно органично развиваются в монгольском обществе. По разным оценкам количество официально зарегистрированных шаманов в Монголии составляет порядка сорока тысяч человек. Кроме того, широкую популярность обретают христианские, преимущественно протестантские общины, окормляемые западными и южнокорейскими пасторами. Здесь можно говорить о влиянии «мягкой силы» государственных и негосударственных институтов из США и Республики Корея, которые основное внимание уделяют монгольской молодежи. Отдельно следует упомянуть о феномене «корейской волны», или «халлю», который оказывает существенное влияние на молодежное сознание.

Концепт «постсекулярность» утвердился в научном дискурсе в результате философской дискуссии о секулярном обществе, его характеристиках и качественных изменениях. Одним из видных теоретиков концепции постсекулярности считается Юрген Хабермас [2008], который рассматривал постсекулярность как результат развития высокоразвитых европейских обществ или таких стран, как Канада, Австралия и Новая Зеландия [Цыплаков, 2017: 244]. Этот подход выносит за рамки социорелигиозные процессы в странах Азии и Африки, а также Восточной Европы, в том числе и в России в силу специфики процессов, протекавших в этих странах. Различие в секулярности обуславливает и разницу в процессах постсекулярности. П. Бергер даже обозначил модель евросекулярности [Бергер, 2012: 10]. Подходы Ю. Хабермаса и П. Бергера заложили основу для анализа социорелигиозных процессов и получили свое развитие, в том числе и в нашей стране. В отечественной социогуманитарной науке данной проблематике посвящены исследования В. Карпова [2012], Е. В. Кныша [2015], А. И. Кырлежева [2013], Ю. Ю. Синелиной, Д. А. Узланера [2013], Е. В. Кузьминой, Р. Р. Фазлеевой [2017], Д. А. Цыплакова [2017] и др. В современных исследованиях существуют две линии рассмотрения новой социальной реальности религии — постсекуляризация и десекуляризация. На наш взгляд, парадигма постсекулярности имеет очевидные преимущества, поскольку рассматривает социорелигиозные процессы как следующий этап развития общества, тогда как десекуляризация предполагает «обращение секуляризации вспять» [Узланер, 2013]. Вопросы постсекулярности еще не являлись предметом специального изучения монгольских ученых. Исследованиям социорелигиозных процессов в Монголии посвящены труды М. Гантуяа, Г. Лхагвасурэн, Т. Булган, Д. Дагвадорж, А. Жамбал, С. Цэдэндамба, Б. Мунхцацралт и др. Особое значение имеют публикации М. Гантуяа, в том числе и на русском языке [Гантуяа, 2021; Дашковский, Гантуяа, Шершнева, Бүрэнэлзий, 2022].

Можно констатировать, что в российской науке пока не предпринималось отдельного исследования буддизма Монголии в контексте концепции постсекулярности.

Результаты и обсуждение

Развитие буддизма после демократической революции Монголии

Волна демократизации в Монголии в конце 1980-х гг. привела к существенному изменению характера общественных отношений. Религиозные организации и отдельные духовные деятели начали реализовывать планомерную работу по увеличению своих последователей. На этом этапе наибольшее количество верующих было у буддизма, несколько позже, в основном в молодежной среде, увеличилось количество протестантов. Объяснялось это несколькими факторами. Во-первых, буддийское учение имело исторические корни и достаточно прочно укоренилось в культуре монгольских народов. Во-вторых, буддизм, несмотря на проводившуюся в период социализма политику со стороны власти, сумел сохранить институциональную основу, что позволило достаточно быстро вернуть утраченные позиции в обществе. Объяснение росту популярности протестантизма в молодежной среде было дано выше — реализация политики «мягкой силы».

Демократизация общественной жизни, объявленная свобода совести и вероисповедания стали условием активизации религиозных инициатив со стороны граждан Монголии. Например, в 1990 г. была создана организация «Союз буддистов Монголии»¹, основной целью которой являлось объединение и координация общественных инициатив по возрождению буддийских традиций в стране, реставрация старых и строительство новых дацанов, религиозных объектов и т.д. [Ванчикова, Цэдэндамба, 2014: 91]. На волне демократических преобразований 1990-х гг. наблюдался существенный рост числа верующих и количества религиозных организаций, началось активное проникновение религиозных идей и практик в повседневную культуру и публичное пространство.

Характерной тенденцией стало взаимодействие религиозной и политической сфер общества. Ярким примером является Демократическая партия верующих Монголии², хотя она и потерпела поражение на первых же выборах в Великий Государственный Хурал [Гантөгс, 2024]. Тем не менее, многие политические партии с завидным постоянством стали использовать в своих программах религиозные идеи и лозунги, а буддийские деятели начали принимать активное участие в общественно-политической деятельности. На новом этапе развития государства правящая монгольская элита практически полностью состояла из людей, так или иначе принадлежавших буддийской традиции. По мнению исследователей, свои буддийские предпочтения наиболее ярко проявляли премьер-министр Монголии Намбырын Энхбаяр и отчасти президент Нацагийн Багабанди. Премьер-министр в некоторых публичных выступлениях объясняет реалии политической и экономической жизни современного мира с буддийской точки зрения [Саяна Намсараева, 2004].

Более того, высшая политическая власть стала практиковать религиозные ритуалы, которые впоследствии стали нормой политической жизни. В качестве примера мож-

¹ Монгол Бурханы шашинтан сүсэгтний холбоо. — прим. авт.

² Монголын шашинтны ардчилсан нам. — прим. авт.

но привести деятельность одного из президентов Монголии Цахиагийн Элбэгдоржа (2009–2017), который в своих политических целях начал использовать культовый историко-религиозный объект монголов — гору Бурхан халдун. Президент принимал непосредственное участие в религиозных обрядах на горе Бурхан-Халдун с привлечением начальника генерального штаба вооруженных сил, депутатов Великого Государственного Хурала, сотрудников администрации президента, Совета национальной безопасности, представителей духовенства в лице настоятеля монастыря Гандантэгчэнлин Эрдэнэхуу и других лиц [Бурхан Халдун уулын..., 2015]. В 2010 г. президент Монголии поручил правительству страны принять меры по включению горы Бурхан-Халдун и ее окрестностей в список объектов Всемирного наследия в силу ее уникальной природной и культурной ценности. 20 сентября 2010 г. был издан президентский указ «О горе Бурхан-Халдун» [Бурхан Халдуны тухай, 2010]. В декабре 2015 г. президенту Монголии в Париже было вручено свидетельство о включении горы Бурхан халдун в список Всемирного культурного наследия. Это стало событием в политической жизни страны, которому Элбэгдорж придавал особое значение [Элбэгдорж, 2016].

Данная тенденция сохраняется и в настоящее время. Например, действующий президент Монголии У. Хурэлсүх, на тот момент занимавший пост премьер-министра страны, посетил открытие Цогчен дугана «Батцагаан» в столичном монастыре Гандантэгчэнлин и в своем выступлении отметил, что «власть должна уважать религию, а религия относиться с уважением к власти» [У. Хурэлсүх, 2019]. Таким образом, можно констатировать, что религия обрела политическое значение и стала играть важную роль в социально-политических процессах, в том числе и во внешней политике Монголии.

Исследовательский интерес представляет выявление особенностей реинституционализации буддийской культуры в новых социальных, экономических и политических условиях преобладания городского населения, изменения образа жизни, формирования современной демократической системы и новых международно-политических условий [Бадамыренов, 2015: 98].

Одной из наиболее значимых описательных моделей стала концепция «двух буддизмов», в которой проводится дихотомичная дифференциация двух различающихся социальных аспектов буддийских сообществ. Первый охватывает буддистов азиатского происхождения, «рожденных в буддийском культурном наследии», а второй включает не-азиатских конвертитов [Numrich, 2003: 55]. Различия между этими типами сообществ обусловлены социокультурными практиками социализации индивидов в религиозном и культурном контексте. «Этнический» буддизм в большей степени связан с коммунитарными и семейными структурами, в то время как «конвертитский» имеет более индивидуалистический характер [Numrich, 2003: 65].

В Монголии проблему развития «двух буддизмов» исследовал Йохан Элверског, который отмечает, что «большинство монгольского населения не включено в продолжающуюся религиозную буддийскую традицию», а «обращаются» (converting) в нее, основным мотивом чего выступает этничность или стремление к этническому и национальному единству» [Elverskog, 2006: 29–46]. В результате этого оформились две группы, которые по-разному видят перспективы «возрождения» буддизма в Монголии.

«Для местного духовенства оно не должно основываться на модернистской потребности «понимания Дхармы», а всецело направлено на воссоздание традиционной монгольской сангхи, основной задачей которой выступает выполнение ритуалов для государства и мирян» [Elverskog, 2006: 33]. Другая группа, «западные модернисты», как называет их Элверског, стремятся к переводу буддийских практик с тибетского языка на современный монгольский язык на кириллице, с целью обеспечения доступности буддийского учения и повышения его привлекательности для верующих-мирян [Elverskog, 2006: 33].

Несмотря на то, что буддизм для монголов выступает одним из наиболее важных маркеров этничности, в общественном сознании также существует дискурс, в рамках которого буддизм позиционируется как один из основных инструментов подчинения монголов Цинской империи. Этот дискурс возник в начале XX в., когда приверженцы националистического течения и монгольские марксисты рассматривали буддизм в качестве главного препятствия модернизации Монголии. Таким образом, в отличие от многих других обществ буддийской Азии, где буддизм воображается через преимущественно позитивные составляющие истории и этничности, буддийская история Монголии, наоборот, связана с «национальным унижением» [Elverskog, 2006: 33].

По мнению ряда исследователей, одним из важных факторов, повлиявших на процесс постсекуляризации, стала глобализация, которая привела к потере национальной и этнической самобытности [Багаева, 2019: 46]. Поскольку вопросы этнического самосознания и идентичности имеют историко-политическое значение, феномен глобализации вызвал ответную реакцию, которая была окрашена, в том числе, в националистические и радикально религиозные оттенки.

В 2015–2017 гг. Институт философии Академии наук Монголии провел исследование на тему «Религиозная ситуация в Монголии». Выборка составила 2400 человек (из 20 районов страны и 6 микрорайонов столицы). По результатам социологического опроса были получены данные, характеризующие религиозность населения страны. Из общего количества опрошенных, 77,4% считают себя религиозными людьми, 22,6% относят себя к атеистам. По мере увеличения возраста растет количество религиозных последователей. Например, среди респондентов в возрасте от 16 до 30 лет количество верующих составляет 70,4%, среди 30–50-летних — 79,6%, свыше 50 лет — 84,6% соответственно.

Приверженность к различным религиозным течениям распределилась следующим образом:

- буддизм (различные течения и школы) — 70,3%;
- шаманизм (тэнгрианство) — 11,8%;
- христианство (различные течения) — 8,2%;
- ислам — 6,8%;
- нетрадиционные и новые религиозные течения — 3,1%.

Вместе с тем, по сравнению с социологическим опросом, проведенным в 1994 году, число убежденных атеистов увеличилось в 1,6 раза [Монголд тууштай шашингүй үзэлтэй..., <https://ikon.mn/opinion/1fds>].

Другие данные приводит Национальное бюро статистики (табл.).

**Статистические данные количества верующих в 2010 и 2020 гг.
Statistical data on the number of believers in 2010 and 2020**

Религии	2010		2020	
	Численность	%	Численность	%
Буддизм	1,459,983	53	1,704,480	51,7
Ислам	82,641	3	105,500	3,2
Шаманизм	79,886	2,9	82,422	2,5
Христианство	60,603	2,2	42,859	1,3
Другие	11,019	0,4	23,078	0,7
Атеизм	1,063,308	38,6	1,338,528	40,6
Общее количество	2,754,685	100	3,296,866	100

Несколько иные, но не принципиально отличающиеся результаты были получены в ходе проведенного опроса общественного мнения, посвященного состоянию и оценкам развития демократического управления в Монголии. Исследования проводились при поддержке ПРООН с 2005 по 2013 г. Результаты опроса представлены на рисунке.

Статистические данные по количеству верующих в 2005, 2008, 2010 и 2013 гг.³

Statistical data on the number of believers in 2005, 2008, 2010 and 2013.⁴

Заключение

В целом анализ религиозной ситуации в Монголии позволяет сделать предварительный вывод, что буддизм как традиционная религия монголов занимает доминирующее положение с точки зрения количества последователей и характера взаимодействия с по-

³ Сост. по: 5-я конференция ASBSTO. ПРООН. ФСЭХ, МАН. «Критерии демократического управления: состояние и оценка управления в Монголии» (УБ, 2006); Проект ЦРТ 9, ПРООН. ФСЭХ, МАН. «Изменения в состоянии демократического управления: 2007–2008 гг.» (УБ, 2008 г.); Проект ЦРТ 9, ПРООН. ФСЭХ, МАН. «Изменения в состоянии демократического управления: 2009–2010 гг.» (УБ, 2010); ТСХХ. ФСЭХ. ШУА. «Оценка демократии в Монголии, развитие и зрелость демократии». Отчет о социологическом исследовании. (УБ, 2013)]

⁴ Comp. on: 5th ASBESTOS Conference. UNDP. ALL, MAN. «Criteria of democratic governance: the state and assessment of governance in Mongolia» (UB, 2006); MDG 9 project, UNDP. EVERYONE, MAN. «Changes in the state of democratic governance: 2007–2008» (UB, 2008); MDG 9 project, UNDP. EVERYONE, MAN. «Changes in the state of democratic governance: 2009–2010» (UB, 2010); TLC. FSEH. SHUA. «Assessment of democracy in Mongolia, development and maturity of democracy». Report on the sociological research. (UB, 2013).

литической властью. Интересные данные получены по количеству церквей, расположенных в столице страны. Если буддийских храмов в Улан-Баторе 80, то христианских (различных течений) насчитывается 189. Кроме того, насчитывается 52 храма других конфессий, что составляет почти 2/3 от количества буддийских храмов. Буддизм занимает особое место в политической системе страны, хотя согласно законодательству, государство предоставляет равные права всем конфессиям. Политические лидеры Монголии зачастую принимают участие в буддийских ритуалах, а иногда сами инициируют общественно-религиозную деятельность. По мнению экспертов, в обществе существует запрос на формирование государственной идеологии, которая способна сплотить монгольский народ. В качестве очевидного варианта рассматривается буддизм как объединяющий всех монголов базис, на основе которого возможна консолидация населения и разных политических сил [Монголчуудыг Бурханы шашин л нэгтгэж байна]. Примечательно, что после всплеска интереса к буддизму на волне демократических преобразований 1990-х гг. и роста количества последователей (около 80% населения страны), всего через десять-пятнадцать лет буддистами считают себя всего 48% граждан. В целом исследователи отмечают рост количества неверующих среди молодежи. Поскольку средний возраст населения Монголии не достигает 30 лет, то обозначенная тенденция будет сохраняться. Политическая элита понимает, что необходим взвешенный подход в религиозной политике в молодежной среде не только с точки зрения консолидации нации, но и превентивного решения вопросов экстремизма и терроризма.

Благодарности и финансирование

Исследование проведено в рамках гранта РНФ «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии», № 24–48–03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>.

Acknowledgments and funding

The study was conducted within the framework of the RSF “Traditional Buddhism, Post-Secularity and Modern Socio-Political Processes in Russia and Mongolia”, № 24–48–03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Багаева К.А. Десекуляризация и тренд постсекулярного // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. Вып. 2. С. 43–48.

Бадмацыренов Т.Б. Социорелигиозные процессы развития буддизма в России и Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 6А. С. 97–104.

Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 8–21.

Ванчикова Ц.П., Цэдэндамба С. Современные процессы в монгольском буддизме 1990–2007 гг. // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). Культурология. С. 89–96.

Гантуяа М. Некоторые методологические подходы исследования религиозности граждан приграничных с Россией территорий Монголии // Ермолаевские чте-

ния : материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики, Кызыл, 26–27 августа 2021 года. Кызыл : Издательский отдел Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. 2021. С. 101–108. URL: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-101-108>.

Дашковский П. К., Гантуяа М., Шершнева Е. А., Бүрэнэлзий И. Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, No 1. С. 72–89. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2022\)1-05](https://doi.org/10.14258/nreur(2022)1-05).

Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 114–164.

Кныш Е. В. Понятия секулярной и постсекулярной культуры: исторические трансформации // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 1 (8). С. 66–72.

Кузьмина Е. В., Фазлеева Р. Р. Постсекулярность: тенденции анализа феномена в современных религиоведческих исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 106–112.

Кырлежев А. И. Эра постсекуляризма. 2013 // Правмир. URL: <http://www.pravmir.ru/era-postsekulyarizma/> (дата обращения: 13.09.2024).

Намсараева С. Кого не любят в толерантной Монголии // Независимая газета, 04.02.2024. URL: https://www.ng.ru/people/2004-02-04/5_mongolia.html#:~:text=%D0%92%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B8%201992%20%D0%B3,%D0%B1%D1%8B%D0%BB%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82%20%D0%B2%201993%20%D0%B3 (дата обращения: 08.09.2024).

Родионов В. А. Буддизм и постсоциалистическая трансформация в Монголии // Власть. 2018. № 2. С. 94–99.

Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 21–51.

Узланер Д. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. № 1. URL: <https://strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> (дата обращения: 06.09.2024).

Цыплаков Д. А. Российская постсекулярность: специфика изучения // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3. С. 242–252.

Elverskov J. Two Buddhisms in Contemporary Mongolia // Contemporary Buddhism. 2006. Vol. 7. № 1. P. 29–46.

Habermas J. A “post-secular” society — what does that mean? (16 September 2008) // Reset Dialogues. URL: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/> (08.09.2024).

Numrich P. Two Buddhisms Further Considered. // Contemporary Buddhism, 2003. № 4 (1). P. 55–78.

Бурхан Халдун уулын тэнгэрийг тайх ёслол боллоо // news. mn. URL: <https://news.mn/r/696351/>. (дата обращения: 08.09.2024) (на монг. яз.).

Бурхан халдуны тухай. Монгол Улсын ерөнхийлөгчийн зарлиг // legalinfo. mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/11182>. (дата обращения: 08.09.2024) (на монг. яз.).

Гантөгс Л. Эвсүүд сонгуульд хэр амжилттай оролцдог вэ // iToim. mn. URL: <https://itoim.mn/a/2024/01/29/parliament/ysv>. (дата обращения: 09.09.2024) (на монг. яз.).

Монголд тууштай шашингүй үзэлтэй хүмүүс 1994 онтой харьцуулахад 1.6 дахин нэмэгджээ // ikon. mn. URL: <https://ikon.mn/opinion/1fds>. (дата обращения: 09.09.2024) (на монг. яз.).

Монголчуудыг Бурханы шашин л нэгтгэж байна // medee.mn. URL: <https://medee.mn/p/166064>. (дата обращения: 11.09.2024) (на монг. яз.).

Хүрэлсүх У.: Төр нь шашнаа хүндэтгэж, шашин нь төрөө дээдэлнэ // unuudur. mn URL: <https://www.unuudur.mn/a/117838> (дата обращения: 08.09.2024) (на монг. яз.).

Элбэгдорж Ц.: Бурхан халдуныг дэлхийд бүртгэлтэй болсонд их баяртай байгаа // ikon. mn. URL: <https://ikon.mn/n/ny2>. (дата обращения: 08.09.2024) (на монг. яз.).

REFERENCES

Badmatsyrenov T.B. Sotsioreligioznye protsessy razvitiya buddizma v Rossii i Mongolii [Social and religious processes of the development of Buddhism in Russia and Mongolia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Buryat State University]. 2015, no. 6A. P. 97–104 (in Russian).

Bagaeva K.A. Desekulyarizatsiya i trend postsekulyarnogo [Desecularization and the trend of postsecular]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Buryat State University]. 2019, no 2. P. 43–48 (in Russian).

Berger P. Falsifitsirovannaya sekulyarizatsiya [Secularization falsified]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church]. 2012, no 2 (30). P. 8–21 (in Russian).

Dashkovskiy P.K., Gantuya M., Shershneva E.A., Burenulzii I. Religioznye protsessy na territorii Mongolii (po rezultatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Religious processes on the territory of Mongolia (based on the results of sociological research)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2022, vol. 27, no 1. P. 72–89 (in Russian).

Gantuya M. Nekotorye metodologicheskiye podkhody issledovaniya religioznosti grazhdan prigranichnykh s Rossiyei territoriy Mongolii [Some methodological approaches to studying the religiosity of citizens of Mongolia's border territories with Russia]. *Yermolaevskiy chteniye: Materialy yubileinoi V nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashennoi 100-letiyu obrazovaniya Tuvinskoi Narodnoi Respubliki*, Kyzyl, 26–27 avgusta 2021. — Kyzyl: Izdatel'skiy otdel Natsional'noi biblioteki im. A.S. Pushkina, Respublika Tyva [Ermolaev Readings: Proceedings of the V scientific and practical conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Tuvan People's Republic, Kyzyl, August 26–27, 2021. — Kyzyl: Publishing Department of the A. S. Pushkin National Library, Republic of Tuva]. 2021. P. 101–108. <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-101-108> (in Russian).

Karpov V. Kontseptual'nye osnovy teorii desekulyarizatsii [Conceptual foundations of the theory of desecularization]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church]. 2012, no 2. P. 114–164 (in Russian).

Knysh E. V. Ponyatia sekulyarnoi I postsekulyarnoi kul'tury: istoricheskiye transformatsii [Concepts of secular and postsecular culture: historical transformations] *Vestnik gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanitarian University]. 2015, no. 1 (8). P. 66–72 (in Russian).

Kuzmina E. V., Fazleeva R. R. Postsekulyarnost': tendentsii analiza fenomena v sovremennykh religiovedcheskikh issledovaniyakh [Post-secularity: trends in the analysis of the phenomenon in modern religious studies]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie I yuridicheskie nauki, kul'turologiya I iskusstvovedenie. Voprosy teorii I praktiki*. [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theory and practice issues]. 2017, no. 8 (82). P. 106–112 (in Russian).

Kyrlezhev A. I. *Era postsekulyarizma* [The Era of Post-Secularism]. 2013. URL: <http://www.pravmir.ru/era-postsekulyarizma/> (Accessed September 13, 2024) (in Russian).

Namsaraeva Sayana. *Kogo ne lyubyat v tolerantnoi Mongolii* [Who is not liked in tolerant Mongolia]. URL: https://www.ng.ru/people/2004-02-04/5_mongolia.html#:~:text=%D0%92%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B8%201992%20%D0%B3,%D0%B1%D1%8B%D0%BB%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D1%82%20%D0%B2%201993%20%D0%B3 (Accessed September 8, 2024) (in Russian).

Rodionov V. A. Buddizm i postsotsialisticheskaya transformatsiya v Mongolii [Buddhism and post-socialist transformation in Mongolia]. *Vlast* [Vlast']. 2018, no 2. P. 94–99 (in Russian).

Turner B. religiya v postsekulyarnom obshchestve [Religion in a Post-secular Society] *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church]. 2012, no 2. P. 21–51 (in Russian).

Tsyplakov D. A. Rossiiskaya postsekulyarnost': spetsifika izucheniya [The Russian post-secular situation: specific features] *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Liberal Arts in Russia]. 2017, vol. 6, no 3. P. 242–252 (in Russian).

Uzlaner D. *Kartografiya postsekulyarnogo* [Cartography of post-secularity]. URL: <https://strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> (Accessed September 6, 2024) (in Russian).

Vanchikova Ts. P., Tsedendamba S. Sovremennye protsessy v mongolskom buddizme 1990–2007 gg. [Modern processes in the Mongolian Buddhism 1990–2007]. *Gumanitarniy vector. Seriya: kulturologiya* [Humanities vector]. 2014, no 2 (38). P. 89–96 (in Russian).

Elverskog J. Two Buddhisms in Contemporary Mongolia. *Contemporary Buddhism*. 2006, vol. 7, no 1. P. 29–46 (in English).

Habermas J. A “post-secular” society — what does that mean? URL: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/> (Accessed September 16, 2008) (in English).

Numrich P. *Two Buddhisms Further Considered*. *Contemporary Buddhism*. 2003. no 4 (1). P. 55–78 (in English).

Burkhan Khaldun uulyn tengeriig taikh yoslol bolloo. *A ceremony of worshipping the sky took place on Mount Burkhan Khaldun*. URL: <https://news.mn/r/696351/> (Accessed September 8, 2024) (in Mongolian).

Elbegdorzh Ts. Burkhan khaldunyg delkhiid burtgeltei bolsond ikh bayartai baigaa. *I am very happy that Burhan Khaldun has been registered in the world heritage*. URL: <https://ikon.mn/n/ny2>. (Accessed September 8, 2024) (in Mongolian).

Gantugs L. Evsluud songuuld kher amzhilttai oroltsdog ve. *How successful are coalitions in elections?* URL: <https://itoim.mn/a/2024/01/29/parliament/ysv>. (Accessed September 9, 2024) (in Mongolian).

Khurelsukh U. Tur n' shashnaa khundetgezh, shashin n' turuu deedlene. *The state respect religion, and religion respect the state*. URL: <https://www.unuudur.mn/a/117838> (Accessed September 8, 2024) (in Mongolian).

Mongold tuushtai shashingui uzeltai humuus 1994 ontoi khartsuulahad 1.6 dakhin nemegdezhee. *Compared to 1994, the number of committed atheists in Mongolia has increased by 1.6 times*. URL: <https://ikon.mn/opinion/1fds> (Accessed September 9, 2024) (in Mongolian).

Статья поступила в редакцию: 14.09.2024

Принята к публикации: 18.02.2025

Дата публикации: 31.03.2025